АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

О.А. АНДРЕЕВА
Доктор философских наук
Профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО ТИУиЭ, г. Таганрог

СТАНОВЛЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XIV–XVI ВВ.: ИДЕИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Мы, русские, совсем не знаем своего прошлого –
новое поколение приходит, не зная ничего
о поколении предыдущем. Это прошлое –
наше наследство, наше достояние …
Максимилиан Волошин.

Формирование самодержавия связано с определенными экономическими, политическими, социальными и другими условиями, за пределами которых оно выглядит инородным телом, теряющим свои сущностные черты. В исторической науке, когда результаты управления и правотворчества приписываются отдельным выдающимся личностям, появляются возможность отрицания объективных законов и преувеличения роли свободы – субъективизм и стремление реализовать желаемые цели без учета объективных возможностей и обстоятельств, то есть волюнтаризм. Если связывать историю исключительно с такой деятельностью, то локальная ее интерпретация не позволит понять причины перехода к абсолютной монархии, связанные с формированием новых буржуазных отношений.

Самодержавие, абсолютная монархия, государственная власть, управление, церковь, идеология, представительство.
Тематический рубрикатор e-Library: 10.00.00.

Историко-правовые науки в процессе профессиональной подготовки юристов занимают особое место, так как направлены на формирование правовой культуры как части общечеловеческой и правосознания. На основе знания истории государства и права своей страны и зарубежных стран, философии, социологии права и других наук, основанных на выявлении и понимании сущности правовых явлений, формируется умение объединять общей идеей периоды истории государства и права, используя принцип правовой преемственности, и применять полученные знания при анализе современных общественно-политических событий и отношений. В таком контексте история становится источником постижения правовых идей и конструкций, добавляющих к имеющимся знаниям накопленный ранее и переработанный исторический опыт, что в некотором смысле способно предотвратить повторение негативных событий прошлого. Правовая культура не умирает вместе с изменением формы правления и содержания норм права, она передается следующим поколениям с целью создания новых, соответствующих историческому периоду, что находит отражение в нерасчлененном общественном сознании.

Уникальность истории становления российской государственной власти XIV–XVI вв. заключается в том, что она формировалась одновременно в двух направлениях: самодержавия и самоуправления, что может показаться противоречивым, но, по мнению, И.Л. Солоневича, представителя консервативной политической мысли, допустимо, поскольку «самодержавие может противоречить самоуправлению лишь в том случае, если самоуправление превращается в партию, а самодержавие – в диктатуру» [1, с. 125]. Существует точка зрения, что реставрация самодержавия в современной России возможна, но при условии его согласованности с народным представительством, которое даст ему право действовать в интересах народа, учитывать его мнение при принятии политических и других значимых решений. В истории государства и права, как и в исторической науке в целом, допускается возможность одновременного сосуществования субъективизма и волюнтаризма в том случае, когда результаты управления и правотворчества приписываются отдельным выдающимся личностям. Если связывать историю исключительно с их деятельностью, то локальная ее интерпретация не позволит понять сущность государственного управления в целом, дать оценку его прошлого и перспектив будущего развития.

Существовала и продолжает существовать точка зрения, согласно которой обеспечение стабильности политического устройства Российского государства может быть связано с самодержавием, которое, по мнению Н.Я. Данилевского, есть «живое осуществление политического самосознания и воли народной» [2,

с. 390]. Понятие «народ» одновременно включает всех граждан, проживающих на определенной территории, и его правовое определение как «правового существа», имеющего различные права и свободы. Но отношения народа и власти в российской истории традиционно носили амбивалентный характер, что проявлялось в их отчуждении друг от друга и критическом отношении к конкретным ее носителям. Объективно и то, что деятельность народа как субъекта истории является формой проявления его политической активности, связанной с притязаниями на участие во власти.

Вопрос о возможности реставрации монархии в условиях кризиса государственной власти конца XX – начала XXI в. дискутировался на политическом, идеологическом и теоретическом уровнях в ряде государств, что подкреплялось теократической концепцией природы государственной власти вообще, как власти, приобретаемой по «Божьей милости» с целью обеспечения стабильности общественных отношений. Однако в условиях отсутствия религиозного сознания у большинства населения данная идея оказалась утопичной, кроме тех стран, где она продолжает существовать как исторический феномен. И.Л. Солоневич считал, что восстановление российской монархии возможно, и оно связано с особым типом духовности россиян, патриархальным характером их общественного сознания, следовательно, монархия может «сразу получить непоколебимую моральную опору в многомиллионной мужицкой толпе, о монархии мечтающей» [3, с.72], что с точки зрения современной истории и науки утопично.

В российской политической истории самодержавие появляется в процессе борьбы с Золотой ордой и образования централизованного Московского государства. Б.Н. Земцов отмечает, что в то время «… страна находилась в условиях тяжелейшего внешнеполитического положения. Отсутствие (помимо государства) политических институтов, способных возглавить оборону, привело к тому, что эту задачу взяло на себя государство и выполнило ее путем концентрации всех возможностей общества, но социально-политические свободы были сведены к минимуму» [4, с.390]. Укрепление Московского княжества в период правления Ивана Калиты (1325–1340) дало ему право присоединить к титулу «великий князь» дополнение «всея Руси». Иван Васильевич III взял титул самодержца с тем, чтобы подчеркнуть свою независимость от татарских ханов, с одной стороны, а с другой – приверженность идеям Византийской империи. В XIV в. в юридическом смысле понятие «государь» относилось к лицам, владеющим несвободными людьми, а «господин» к тем, кто имел власть над людьми свободными, в результате введение термина «государь» в публичное право стало началом формирования неограниченной власти великого князя.

В процессе становления единодержавия складывалось и самодержавие, получившее теоретическое обоснование в учениях Иосифа Волоцкого как идеолога единства царской и церковной властей в период формирования Московского государства, ставшего в дальнейшем нормой российской политической жизни. Самодержавие при Иване III еще не воспринималось как единодержавие. В Библии говорилось, что Бог, поставивший над вами **из вас же самих,** «будет испытывать вас бедностью и богатством, испытания будут снова и снова приходить и уходить подобно колесу огненной колесницы» [5]. Царская власть все же была идеологически ограничена библейскими заповедями и страхом перед карами Божиими. В процессе построения христианского государства царь воспринимался как правитель, глава государства, не зависящий ни от кого, кроме Бога.

Иван III именовал себя «Иоанн Божьей милости государь всея Руси», что нашло отражение в организации системы государственного управления. С.Б. Лугвин отмечает, что «патерналистское восприятие царской власти порождало сугубо личный характер управления, которое осуществлялось вне всяких правил и формальных норм. Социальный и политический статус человека определялся не столько его знатностью и богатством, сколько близостью к монарху и его личной благосклонностью» [6, с.81]. С одной стороны, влияние татаро-монгольского ига, а с другой – формирование буржуазных отношений, в которых было заинтересовано как дворянство, так и новый класс буржуазии.

В конце XIV в. в официальных документах появляется формула: «Божиею милостию и Пречистыя Его Богоматери», что придавало власти монарха дополнительную юридическую силу. Народ верил в «доброго царя и плохих бояр», ожидал защиты от их произвола со стороны государства, не сомневался в компетентности носителей власти, но резко критиковал конкретных ее носителей, когда их действия противоречили ожиданиям подданных. Божественная природа власти монарха определяла его место в системе государственного управления, возлагала на него заботу о народе, его благосостоянии и т.д. Вопрос о том, что монарх является частью системы народного представительства, еще не возникал. С.А. Авакьян отмечает, что царь «… был не выборным, а наследственным правителем. И если представителя «божественного» на земле обратить в представителя народа, это ведь могло бы зародить у простолюдинов мысль о подчиненности монарха народу и его интересам, в то время как монархизм зиждился на идее дарований благ людям от правителя» [7]. Царь имел право распоряжаться жизнью и имуществом своих подданных, вмешиваться в их личную жизнь, бороться с боярами и удельными князьями, претендовавшими на участие во власти, патриархальный характер которой был основан по типу власти отца в семье. Поэтому подданные, кроме служилых (холопов), именовались «сиротами».

В Московском государстве XV в. в титул царя была внесена формула «Божиею милостию», что придавало ей теократический характер. Брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI, дал ему право присоединить к московскому гербу с Георгием Победоносцем и византийский с изображением двуглавого орла, который до настоящего времени является символом российской государственности. После присоединения в 1485 г. Тверского княжества Иван III добавил в титул: «Божьей милостью государь Всея Руси, Вели-

кий князь Владимирский и Московский, Новгородский и Псковский, Югорский и Пермский, Болгарский и иных земель», неподвластных Литве и Польше. Титул «государь Всея Руси» приобрел политический смысл, подчеркивающий независимость Московского государства от других стран, его международное признание и преимущество над другими после падения Византии в 1453 г. С этого времени Москва становится третьим Римом. Послание старца Филофея разъясняет, что «два убо Рима падоша (Рим и Византия), а третий стоит (Москва), а четвертому не быти». Таким образом, в конце XV – начале XVI в. была сформулирована национальная идея российской государственной власти.

В 1505 г., после смерти Иван III, был установлен порядок передачи власти по воле завещателя: сыновья получали уделы, а государственная власть переходила к Василию – сыну от жены Софьи Палеолог, который сократил количество самостоятельных княжеств, часть земель реорганизовал в уезды, управление которыми осуществлялось от его имени волостелями как вознаграждение за труд во имя блага государства. В дальнейшем территории были разделены на станы и волости, управляемые назначенными государственными чиновниками, что укрепило иерархическую систему власти. Царская власть воспринималась подданными как тяжкое бремя, нравственное подвижничество в силу ответственности государя перед Богом за грехи каждого подданного и государства в целом. Лица, нарушавшие законы, считались отступниками не только перед Богом, но и перед царем, что влекло двойное наказание, как при жизни, так и после смерти, оно касалось и родственников, и членов семьи вплоть до третьего поколения.

Идеологическую поддержку самодержавию обеспечивала церковь посредством идеи «симфонии властей» как их единения в процессе управления страной, что вступало в противоречие с последовательно реализуемой централизацией власти царями. Теоретическое понимание сущности власти в средние века было основано на христианско-богословской схоластике, просуществовавшей на протяжении тех веков, когда знания о мире и его законах определялись текстами Священного Писания – единственного культурного фонда, из которого они черпались. Власть главы государства божественного происхождения, о чем указано в тринадцатой главе «Послания Павла к римлянам», где апостол говорит, что «всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божьему установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» [22 Рим.13:1-2.]. Следовательно, христианская идеология с единой системой нравственных ценностей способствовала интегративному представлению о роли государственной власти, что помогало ей действовать без особого насилия и принуждения в отношении населения. Опираясь исключительно на свой авторитет, церковь формировала позитивный образа государственной власти в общественном сознании.

С другой стороны, верховенство власти царя по отношению к церкви нашло отражение в формуле «враздодержатель святых Божиих церквей, престол всех, и епископий, и притч и прочая и всего христианского исполнения» [7]. Царь являлся не только символом православия, но и главой духовной иерархии на Земле, следовательно, духовенство не могло считать себя равным ему. Миссия церкви – создание позитивного образа власти и его репрезентация, ставшие условием ее бытия в структуре органов государственного управления. Верховная власть должна быть символически выраженной, в противном случае ее как бы нет, и, наоборот, там, где присутствуют символы власти, она естественно проявляет себя. Зависимость Патриарха Русской православной церкви от государя создавала между ними конфликтные ситуации. М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что «при введении патриаршества порядок выбора патриарха установился такой: царь избирает несколько кандидатов, тайно запечатывает в воск их имена и пересылает церковному собору для избрания (по жребию); избирающие иерархи не знают имени избранного (вынутый восковой жребий для вскрытия и объявления имени отсылается к царю). Впрочем, и выбор патриарха в большей части зависел только от воли царя (например, избрание Филарета и Никона)» [8, с.175]. В Московском государстве теоретическое обоснование царской власти осуществлялось в процессе богословских и юридических дискуссий, на стыке которых сформировались ее политико-правовые начала.

Власть царя есть обязанность, исходящая от Бога, ее теократический характер заключался в ответственности государя перед ним, что имело одновременно и нравственный, и правовой аспекты. Для подданных она являлась юридической, поскольку царь имел право на жизнь и смерть каждого из них. Божественное наказание представлялось людям более строгим, поскольку преступник лишался не только жизни, но и одновременно бессмертия души, то есть жизни вечной. Самодержавие воспринималось населением как особое предназначение царя и одновременно право. Иван Грозный ответственность главы государства выразил формулой: «Верую, яко о всех своих согрешениях, вольных и невольных, суд прияти ми яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим не смотрением согрешают», что впоследствии стало правом монарха на законодательную, исполнительную и судебную власть. Определяя сущность самодержавия, Иван IV писал, что «Российское самодержавство изначала сами владеют всеми царствы, а не бояре и вельможи. Какоже самодерже наречетя, аще не сам строит?». «Имею нужду в милости Божией... наставления человеческого не требую», – так писал Иван Грозный князю А.М. Курбскому [9].

Прочные позиции рядом с царской властью заняло духовенство, сформулировав идею избранности Богом главы государства. Благодаря широкому ее освещению в духовной, светской литературе, эта идея получила широкое распространение в общественном сознании. Народ в целом воспринял ее положительно, поскольку она соответствовала принципам Ветхого завета, «симфонии властей», отделения политической власти от духовной, но параллельно существовали и настроения, связанные с критикой единоличной власти царя. Стабилизация внутреннего

положения в стране и укрепление самодержавия способствовали избранию в 1586 г. митрополита Иова по предложению Бориса Годунова, который с 1589 г. стал первым патриархом Московским и всея Руси. Патриаршество сравняло первосвятителя русской церкви с восточными патриархами и дало ему первенство перед митрополитом Киевским, что значительно укрепило положение церкви и ее место в системе государственной власти и управления.

Передача царской власти в Московском государстве происходила по закону, завещанию или избранию, что требовало дополнительного правового закрепления, поскольку родовой порядок ее передачи был заменен на семейный. В XIV – XV вв. внешней инвеститурой пожалования Великому князю власти в Московском государстве являлся хан. Для ее получения и подтверждения прав необходимо было ездить в Каракорум. С конца XVI в. избрание главы государства приобрело большее значение, но только не как особый способ при пресечении династии, а как добавочная процедура, закреплявшая право на власть. Например, в 1584 г. Земской собор «умолил» Федора Иоанновича стать государем; в 1598 г. по прекращении династии Рюриковичей Земским собором был избран Борис Годунов; Федор, сын и законный преемник Бориса, был избран Думой и народным вечем; в 1606 г. Боярская дума предложила избрать новым царем Василия Шуйского, но его избрание не считалось правильным, и т.д.

Процедура коронации впервые была проведена Иваном IV, сыном великого князя Василия Ивановича и его второй супруги Елены Васильевны, урожденной княжны Глинской. Иван IV родился 25 августа 1530 г., вступил на великокняжеский престол 4 декабря 1533 г. и был венчан на царство 16 января 1547 г., что было утверждено Цареградским патриархом в 1561 г. Венчание на царство Ивана IV, будучи политическим актом, не принималось ни Литвой, ни Речью Посполитой, претендовавшими на главенство в славянском мире. Долгое время они вели войны за земли домонгольской Руси, считая их своим историческим достоянием – «отчинами», которые когда-то входили в состав их государств. Кроме того, главы указанных государств в титулах имели упоминание о Руси. Со второй половины XVI в. в Московском государстве начался процесс формирования самодержавия, что, в общем-то, соответствовало общеевропейской динамике трансформации самодержавия в абсолютизм.

На протяжении многовековой истории Российского государства существовал институт народного представительства, поэтому первоначально и миссия царя как отца отечества воспринималась как представительная. Л.А. Тихомиров отмечает, что «самодержавный царь – это конкретизированная народная воля, представительство национального духа, выразитель национального идеала, того, что «думала бы и хотела бы нация, если бы стояла на высоте своей собственной идеи» [10]. Следовательно, автор вышеуказанной цитаты считает, что Российское государство не нуждается в искусственных институтах типа народного представительства, так как национальный дух и идея внутреннего, теоретического содержания нации отражает монархический тип верховной власти. Но история опровергла вышеуказанную точку зрения. Крестьянские войны и бунты, заговоры в среде дворянства и других слоев населения Российского государства стали причиной протестных настроений части населения, а затем и социалистической революции, ставшей прививкой против самодержавия и теорий о необходимости его реставрации в РФ. Формирование самодержавия связано с определенными экономическими, политическими, социальными и другими условиями, за пределами которых оно выглядит инородным телом, теряющим свои сущностные черты в форме парламентских или конституционных монархий. Современная конституционная монархия – это паллиатив, то есть временное решение управленческих задач, так как монарх, как правило, царствует, но не управляет, что делает его фигуру скорее представительной, чем властной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Солоневич И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – Москва, 2010. – С. 125. – Текст : непосредственный.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н.Я. Данилевский. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 390. – Текст : непосредственный.
3. Солоневич И.Л. Белая Империя / И.Л. Солоневич. – Москва, 1997. – С. 72. – Текст : непосредственный.
4. Земцов Б.Н. Самодержавие как национальный политический режим / Б.Н. Земцов. – Текст : непосредственный // Известия ТПУ. – 2013. – №6. – С. 301.
5. Лугвин С.Б. Власть и управление в Великом княжестве Литовском и Российском государстве: компаративный анализ / С.Б. Лугвин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2013. – №3. – С. 81.
6. Авакьян С.А. Народное представительство и парламентаризм / С.А. Авакьян. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – №9. – С. 49.
7. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 2 / В.О. Ключевский // История России. – Москва, 2005. – Текст : непосредственный.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 175. – Текст : непосредственный.
9. История о великом князе Московском (1573) и 3 обличительных послания лютому самодержцу : Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева и др. – Т. 11: XVI век. – Санкт-Петербург, 2001. – Текст : непосредственный.
10. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – Москва, 2000. – Текст : непосредственный.

© Ольга Александровна Андреева, 2022
© Частное образовательное учреждение высшего образования «Таганрогский институт управления и экономики», 2022